

ЖИВУЩАЯ ЧЕТЬ И ЖИВУЩАЯ ВЫТЬ

Во время составления писцовых книг 1620-х гг. в стране начали вводить новые окладные единицы, которые фигурировали как живущая четь и живущая выть, а в литературе иногда назывались «дворовой четвертью» и «дворовой вытью». Суть нововведения заключалась в том, что писцам было предписано приравнивать к живущей четверти пашни на поместных и вотчинных землях, а также во владениях монастырей то большее, то меньшее количество крестьянских и бобыльских дворов. Эти состоявшие из живущих дворов четверти входили в сошный оклад, и только с них надлежало собирать основные государевы подати и повинности. На части дворцовых и черных земель вводились не живущие чети, а живущие выти.

Само собой разумеется, четверть и выть, состоявшие из дворов, не являлись простой мерой земельной площади. Однако они сохраняли наименования окладных единиц, связанных с поземельными мерами; сохранились и те количественные соотношения между сохами и четвертями и между сохами и вытями, которые были характерны для сошного письма второй половины XVI—начала XVII в.

Живущую четверть как новую окладную единицу обнаружил в источниках А. С. Лаппо-Данилевский, и это открытие является его несомненным исследовательским успехом.¹ П. Н. Милюков даже признал открытие живущей чети одним из самых важных результатов, полученных автором «Организации прямого обложения. . .».²

А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал преобразование окладных единиц и введение живущей чети как переход от поземельного пососного обложения к обложению подворному. Однако переход этот был осуществлен не сразу. Замена сохи двором как податной единицей означала бы слишком резкий переход, и правительство смягчило его тем, что облагаться стало не каждое отдельное хозяйство, а небольшая сумма таких хозяйств. Введение живущей четверти А. С. Лаппо-Данилевский считал решительным шагом к упразднению сошного письма и к замене его подворной податью. Он признавал, что сошное письмо не вполне утратило свое значение после 1630-х гг. Но, рассматривая сошный оклад как поземельный, а живущую четверть — как подворный оклад, автор не мог объяснить, каким образом обе системы взаимодействовали и сочетались при сборе одних и тех же повинностей.

В отличие от А. С. Лаппо-Данилевского П. Н. Милюков считал, что живущая четверть не являлась простой подворной податью. По его мнению, живущая четверть произошла из сошного письма

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

² Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. С. 134.

и была одним из способов его применения. Произведя соответствующие расчеты по писцовым книгам, Милюков укрепился в выводе, что, находясь в соответствии с тем или иным количеством крестьянских и бобыльских дворов, живущая четверть считалась одновременно $1/800$ частью сохи на добрых поместных землях, точно так же как $1/800$ частью такой сохи являлась четверть пашни паханой до введения живущей четверти.³

После А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова вопрос о дворовой четверти затрагивали М. А. Дьяконов, И. Н. Миклашевский, Ю. В. Готье, В. Н. Седашев,⁴ но наиболее значительные материалы о живущей дворовой четверти, как и о сошном обложении XVII в. в целом, ввел в научный оборот С. Б. Веселовский. Ему же принадлежит оценка живущей четверти, существенно отличающаяся от оценки А. С. Лаппо-Данилевского и других историков. С. Б. Веселовский, как известно, полагал, что ни в одип из периодов существования сошного письма оно «не было чисто поземельным», не являлось вместе с тем и подворным. Оно было проникнуто «принципом посильнѣости», причем принимались во внимание и пашня, и угодья, и «животы», торги и промыслы и семейный состав двора. При таком определении тягоспособности оно во многом зависело от произвола писцов и было субъективным и условным. Понятно, что соха и четвертные пашни, из которых она состояла, не могли являться точной поземельной мерой.⁵

Переход к дворовой четверти не был отказом от поземельного принципа обложения, поскольку поземельным сошное обложение не являлось и до 1620-х гг. Законодательство о живущей четверти служило для С. Б. Веселовского одним из доказательств условности сошного письма. Приравнение того или иного числа дворов к сохе, выти, обже было одним из приемов установления чисто условных величин, которые скрывались за этими окладными единицами.⁶

Возражая А. С. Лаппо-Данилевскому, С. Б. Веселовский решительно отказывался считать введение живущей дворовой четверти реформой, смысл которой заключался в переходе от поземельного к подворному обложению. Живущая четверть, состоявшая то из 2 крестьянских и 2 бобыльских, то из 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов, то из многих иных сочетаний крестьянских и бобыльских дворов, являлась таким же субъективным и условным окладом, как и старая соха.

К тому же сошное письмо отнюдь не было заменено живущей четвертью, которая только стала составной частью старого сошного

³ Милюков П. Н. Спорные вопросы. . . С. 138.

⁴ Уточнения М. А. Дьяконова, касающиеся времени введения закона о живущей чети, см.: ЖМНП, 1893. Июль. С. 221 и др.; см. также: Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. С. 43; Готье Ю. В. Замосковский край. М., 1906. С. 237; Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912. С. 175—180.

⁵ Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. II. С. 528—530.

⁶ Там же. 1915. Т. I. С. 13.

письма. Издавая указы о живущей четверти, правительство «вовсе не думало переходить к подворному обложению, а имело в виду обратное, то есть сохранение сошного письма». Соха была и оставалась после этих указов «государственной окладной единицей, необходимой для сметы, оклада и раскладки налогов». ⁷ Дворовые чети являлись составной частью сохи, ее самой мелкой расчетной частью. А составляя то $\frac{1}{600}$, то $\frac{1}{800}$, то $\frac{1}{1000}$ часть сохи и соответствуя то одному, то другому числу крестьянских и бобыльских дворов, живущая четь никак не могла равняться реально четверти паханой земли и вообще реальной земельной площади. Считая ее совершенно условным мерилом тяглоспособности сохи, С. Б. Веселовский полагал, что постепенно («с течением времени») и независимо от введения живущей четверти все разновидности тяглых и освобожденных от тягла земельных участков становились в большей или меньшей степени условными. Это относится и к паезжей пашне, и к перелугу, и к лесной поросли. ⁸

Еще в 1908 г. С. Б. Веселовский выступил с рецензией на книгу Ю. В. Готье «Замосковский край». Упрекнув автора этого труда в том, что он не предпослал своей книге надлежащего исследования сошного письма, С. Б. Веселовский пошел гораздо дальше. Он заявил, что «большой и тщательный труд Ю. В. Готье не дал, к сожалению, соответствующих научных результатов». ⁹ Такой вывод был сделан именно потому, что, становясь на позиции условности и субъективности сошного письма, С. Б. Веселовский резко сузил возможности статистических расчетов землепользования и землевладения по данным писцовых книг.

Обращение историков к методам статистической группировки данных писцовых книг в последние предреволюционные годы (А. М. Гневушев, А. А. Кауфман, Н. Ф. Яницкий и др.) и использование методов математической статистики и ЭВМ в последние десятилетия должны были привлечь внимание исследователей к источниковедческому анализу писцовых книг и прежде всего к вопросу о возможности построения на их основе статистико-экопомических таблиц и выводов.

Со специальной статьей, посвященной этим сюжетам, выступил в конце 1970-х гг. Л. В. Милов, который сосредоточил свое внимание на принципиальном вопросе о возможности привлечения данных писцовых книг 1620-х гг. для определения размеров земельной площади в поместьях и вотчинах. Л. В. Милов признавал, что дворовый счет на живущие чети включался в сошное письмо. Но писцовые книги 1620-х гг. содержат, по Л. В. Милову, два вида сведений и итогов, не имеющих ничего общего друг с другом: во-первых, данные о крестьянской живущей пашне, которые являются сочетанием определенного количества крестьянских и бобыльских дворов, и во-вторых, данные о реальной площади помещичьей пашни, наезжей

⁷ Там же. Т. II. С. 487.

⁸ Там же. С. 415.

⁹ ЖМНП. 1908. № 2. С. 421; *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. I. С. IV.

пашни, пашни перелогом и лесом поросшей, леса пашенного, дикого поля, сенокоса. Если первый вид писцовых книг не содержит данных о крестьянской тягловой пашне ни в условной, ни в абсолютной форме¹⁰ и сведения писцовой книги являются лишь «коварной иллюзией», многие десятилетия сбивавшие с толку некоторых исследователей, то во втором случае «можно считать вполне достоверными как прямые данные о размерах различных угодий».¹¹ Ошибочность всей концепции сошного письма С. Б. Веселовского коренится, по мнению Л. В. Милова, в том, что он «поверил в существование в писцовых книгах, реализовавших указы о дворовой чети, единой системы сошного письма».¹² Между тем в этих писцовых книгах выступают две совершенно разные системы: одна — для крестьянской живущей пашни (дворовая), другая — для всей остальной пашни (площадь земли). Дворовая четверть предназначена для живущих крестьянских дворов, а «четвертное (пространственное) наполнение выти — для пустых земель (перелога, наезжей пашни и т. д.). Этот принцип разномасштабного измерения применен, по нашему мнению, во всех писцовых книгах, где реализованы указы о живущей четверти».¹³ Именно данное обстоятельство делает этот массовый источник в целом вполне приемлемым объектом статистической обработки, поскольку господская, наезжая и пустая пашня составляла в 1620-е гг. львиную долю всех пригодных для пахоты угодий.

Являясь знатоком массовых материалов, относящихся к хозяйственной жизни русской деревни второй половины XVIII в., Л. В. Милов подкреплял свои оптимистические выводы об информации писцовых книг первых десятилетий XVII в. тем, что ею пользовались в ходе Генерального межевания и, в частности, при рассмотрении землемерами спорных дел.¹⁴

В 1985 г. был опубликован автореферат кандидатской диссертации И. М. Гарсковой.¹⁵ Автор является участником коллектива московских историков, руководимого Л. В. Миловым, и неоднократно выступала в печати по теме своей диссертации. Развивая высказанные еще в дореволюционной историографии наблюдения о неоднородности писцовых книг 1620—1630-х гг., И. М. Гарскова пишет, что не все книги, составленные после введения живущей четверти, равноценны. Многие из них не дают представления о размерах крестьянской запашки. Однако существуют книги, «сочетающие традиции старого сошного письма и нового принципа налогообложения». В них размеры пашни и других угодий «даны в реальном масштабе». Автор назвал их книгами «оптимального варианта» и перечислил

¹⁰ *Милов Л. В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг: (О концепции С. Б. Веселовского) // *История СССР.* 1978. № 2. С. 141.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 131.

¹⁵ *Гарскова И. М.* Количественные методы в изучении писцовых книг как источника по аграрной истории России 1-й половины XVII века: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1985.

свыше 20 уездов, по которым они сохранились. Эти наблюдения И. М. Гарсковой представляются мне совершенно правильными. Следует только заметить, что вывод о реальных размерах крестьянской пашни да и других угодий, учтенных книгами «оптимального варианта», не должен звучать категорично. Автор справедливо замечает, что в период, когда оклад повинностей вычислялся не на основании четей земли, а на основании крестьянских и бобыльских дворов, положенных в живущую четь, размеры пашни непосредственно не влияли на величину оклада, поэтому у писцов не было причин сознательно исказить эти размеры. Но именно потому, что размеры пахотных угодий не имели особого значения для определения оклада, писцы далеко не всегда были озабочены их измерением и точностью записей.

В 1986 г. вышла интересная и новаторская книга Л. В. Милова, М. Б. Булгакова и И. М. Гарсковой, задача которой состоит в разборе источниковедческих вопросов, необходимых для рассмотрения тенденций аграрной истории.¹⁶ Я считаю необходимым хотя бы конспективно остановить внимание на некоторых аспектах этой книги. Во-первых, мы находим в ней подробный разбор мнений всех предшествующих исследователей о достоверности и представительности писцовых книг первой половины XVII в. Во-вторых, авторы произвели анализ разновидностей писцовых книг 1620—1630-х гг. и предложили их классификацию. При этом они выявили те из книг, которые содержат данные о размерах крестьянской тяглой пашни, и те, в которых даются суммарные размеры площади господской и крестьянской (тяглой) пашни. В-третьих, авторы предложили методы математической статистики и использовали ЭВМ для извлечения из писцовых книг XVII в. содержащейся в них информации, что несомненно способствует широкому внедрению компьютера в работу историков над подобным материалом. В числе исторических проблем, которые могут решаться с помощью методов математической статистики, авторы особенно выдвигают вопрос о различиях между помещьем и вотчиной и показывают, что он не может быть сведен к традиционному мнению о постепенном стирании отличий между этими видами феодального землевладения. При дальнейшей разработке авторами поставленной темы несомненно выявятся и другие положительные стороны опубликованного труда.

В то же время представляется необходимым обратить внимание на некоторые положения, вызывающие сомнения или требующие изменений и уточнений.

Решительно возражая против скептического отношения к данным писцовых книг первой половины XVII в., авторы недооценивают присутствующие им дефекты и лакуны. Они пишут, что в книгах «оптимального варианта» аккуратно фиксировались размеры крестьянской пашни

¹⁶ Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986. — Настоящая статья уже находилась в издательстве, когда вышла в свет эта книга. Поэтому я имею возможность включить в статью лишь отдельные вопросы, рассмотренные в ней.

паханой, что в них содержатся данные о «реальных размерах» как господской, так и крестьянской полевой пашни трехпольного севооборота.¹⁷ Однако необходимо учитывать, что речь здесь идет только о тяглой крестьянской пашне. Как хорошо известно, ее размеры в первой половине XVII в. обычно были ничтожно малы: сплошь да рядом они составляли 1,5, 1 десятину в трех полях, а то и менее полудесятины. Не имея возможности существовать за счет таких тяглых наделов, крестьяне брали у частных феодалов и государства землю в аренду (на оброк) и, кроме того, пользовались укрытыми от обложения «лешими» и иными угодьями. Об этом уже писали Н. А. Горская, Э. А. Тимошенкова и другие исследователи. Можно утверждать, что иногда «затяглые» пашни крестьян значительно превосходили по размерам их тяглые запашки. При этом «затяглые» далеко не всегда попадали в разряд наезжей пашни. Таким образом, нельзя судить о реальных размерах крестьянской пашни только по писцовым книгам. Даже книги «оптимального варианта» не вызывают особого оптимизма в смысле своей полноты. Отсюда возникают сомнения в некоторых выводах авторов. Так, они пишут, что в Воротыньском уезде величины барской и крестьянской запашек в вотчинах были примерно равны.¹⁸ Но если данные о крестьянской запашке занижены, то и соотношение крестьянской и барской запашек было иным.

Матрица корреляционных отношений по тому же уезду свидетельствует о тесноте связи между числом крестьянских дворов и зафиксированной в писцовых книгах крестьянской запашкой. Таким образом, складывается впечатление об уравнительности запашек дворов. Это наблюдение весьма интересно, так как свидетельствует об относительном равенстве обложения крестьянских дворов тяглом. Но оно окажется малообоснованным, если говорить не о тяглом наделе и тягле, а о всей крестьянской запашке. Наши знания об оброчных и вообще «затяглых» крестьянских землях дают возможность говорить, что различия здесь между дворами были значительнее.

Данные писцовых книг первой половины XVII в., относящиеся к перелогу, лесом поросшей пашне и «порозжим» землям (на которых не оставалось не только крестьянских селений, но и землевладельцев — помещиков и вотчинников), тоже не всегда являлись полными. Наши расчеты показывают, что книга Моржевского стана Рязанского уезда 1616 г. учитывает примерно на 30 % меньше пахотных угодий, чем писцовая книга 1628 г. (табл. 1). В данном случае писцы конца 1620-х гг., очевидно, обмеряли землю, не довольствуясь приправочными книгами 1616 г. Но были и другие случаи. По наблюдениям З. В. Дмитриевой, при описании вотчин Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде общие размеры пашенных земель, перелога и лесом поросшей пашни по деревням остаются в совокупности совершенно идентичными данным писцовой книги 1626—1627 гг.

¹⁷ Там же. С. 132, 156, 296 и др.

¹⁸ Там же. С. 222.

Таблица 1

Поместные земли в Моржевском стане Рязанского уезда
по книгам 1616 и 1628—1629 гг.^а

	1616 г.	1628—1629 гг.
Дворы и люди		
Дворов господских	40	51
» приказчиков	9	14
» людских	30	18
» крестьянских	77	159
В них людей	—	368
Дворов бобыльских	38	182
В них людей	—	357
<hr/>		
Итого живущих дворов	194	424 ^б
Дворов пустых	40	32
Мест дворовых в поместьях	287	964 ^в
Мест дворовых на порозжих землях (бывших ранее за помещиками)	—	446
Пашенные угодья		
Четей пашни паханой	87	1435
» пашни наезжей	434	1200
» перелога и лесом поросло	9601	11064
» дикого поля	1722	1602
<hr/>		
Итого в поместьях четей	11844	15234 ^г
Порозжей земли, что была за помещиками	5478	9128
Сошное письмо		
Сош в живущем	0.11	0.031
Сош «впусте» с наезжей пашней, но без порозжей пашни	14.94	19 ^д

^а Источники: Приправочная книга Рязанского уезда 1616 г. // Временник МОИДР. М., 1852. Кн. 13. С. 26—27, 30—37; Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1904. Т. 1, вып. 3. ^б И 10 дворов казачьих. ^в Кроме того, 3 пустых двора и 4 места дворовых — помещичьих. ^г Подавляющее большинство земель числится доброй, а худой земли нет. Цифра получена писцом после одабривания средних земель. ^д Не считая порозжих земель.

и дозорной книги 1612/13 г.¹⁹ Между тем за 16 лет часть лесом поросшей пашни переходила в поверстный лес и не могла измеряться четями, а часть, наоборот, расчищалась от леса. Можно думать, что писцы 1620-х гг. не перемеряли здесь запустевшие земли. В Псковской земле, по наблюдениям Н. Н. Маслениковой, при составлении писцовых книг 1620-х гг. перелог и лесом поросшая пашня также не

¹⁹ Дмитриева З. В. Организация обложения в крупной монастырской вотчине в XVI—XVII вв. : Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1986. С. 7.

перемерялись, а использовались данные приправочных книг 1580-х и следующих годов и документы, предъявляемые помещиками на право владения землей. Поэтому корреляция пустующих земель с господскими, крестьянскими или бобыльскими дворами приведет к более убедительным выводам в тех случаях, когда можно утверждать, что данные о пустующих землях не были высчитаны по приправочным книгам.

Сравнительно небольшую роль играли погрешности в измерении земель, являвшиеся следствием ошибок писцовой геометрии. Авторы «Тенденций аграрного развития России. . .» вслед за В. Седашевым считают, что эти ошибки вообще не сказываются при обмере 75—90 % пашни, так как площадь прямоугольников писцы высчитывали безошибочно.²⁰ Это так, но цифра 75—90 % является произвольной и может быть заниженной, так как разбросанные клочки пашни, не сведенной еще (во всяком случае в нечерноземье) в сплошные массивы, имели сложную конфигурацию.

Ненадежными часто являются сведения писцовых книг о численности бобылей, так как землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы писцы записывали крестьян бобылями, оклад которых был сокращенным. Поэтому численность бобылей в ряде случаев была завышена, а численность крестьян соответственно занижена. Таким образом, определяемая авторами для Лихвинского уезда связь числа крестьянских и бобыльских дворов, которая выражена коэффициентами корреляции, не является действительной.²¹ Наконец, следует отметить, что тщательно и профессионально составленные корреляционные матрицы иногда нуждаются в более четкой интерпретации. Авторы писали, что наличие усадьбы помещика в 8 % случаев обуславливает появление (рост) бобыльских дворов.²² Очевидно, правильнее было бы говорить о том, что в 92 % случаев такая обусловленность не прослеживается и, таким образом, связи практически нет или она носит случайный характер.

Сказанное говорит о том, что данные государственных переписей, даже обработанные с помощью ЭВМ, дадут более надежные представления о хозяйственных процессах в деревне XVII в. только в сочетании с данными вотчинных архивов и актового материала.

Вопрос о причинах, вызвавших к жизни указы о живущей четверти, можно характеризовать как дискуссионный. Ни у кого из исследователей не возникало сомнений относительно разорения начала XVII в. как главного условия, побудившего правительство ввести эти указы. Все исследователи признавали, что невозможность собирать возраставшие по объему повинности с разоренного и разбегавшегося тяглого населения вызвала к жизни новые порядки обложения. Но как эти новые порядки могли улучшить катастрофическое положение? На что конкретно могло рассчитывать и рассчи-

²⁰ Милов А. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденция аграрного развития России... С. 29.

²¹ Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 129.

²² Там же. С. 133.

тывало правительство? Эти вопросы вызывали тем большее недоумение, что источники не дают на них прямого ответа.

А. С. Лаппо-Данилевский объяснял введение живущей четверти тем, что в результате Смуты размеры обрабатываемой пашни резко сократились и это привело к значительному уменьшению облагаемой земельной площади. «Подворная же подать сразу могла повысить размеры государственных доходов, не отягчая при этом пашни».

П. Н. Милюков возражал, говоря, что «облегчить положение плательщиков можно было только уменьшением податей, а не изменением в способе их взимания с тех же плательщиков».²³ Это, конечно, верно. Но следует помнить, что в живущие чети попали и бобыльские дворы. Живущими четьми облагались только помещичьи, вотчинники и церковные крестьяне, оказавшиеся в льготном положении по сравнению с черносошными крестьянами.

Приведенное критическое замечание Милюкова свидетельствует о непоследовательности рецензента. Ведь он сам подчеркнул, что живущая четверть давала владельческой земле огромное податное преимущество перед черной. Автор даже сильно преувеличил это преимущество, утверждая, что черносошный крестьянин, владевший наделом в 6 десятин, должен был платить с одной четверти, т. е. с полудесятины пахотной земли, в 70—100 раз больше, чем те крестьянские дворы, которые в количестве 7—10 приравнялись к живущей чети. П. Н. Милюков не учел при этом, что и на черносошном Севере тяглые наделы крестьян были далеки от нормы в 6 десятин.²⁴ Ю. В. Готье признавал, что для решения вопроса о причинах возникновения живущей четверти как промежуточной между сохой и двором единицы обложения он не располагает достаточным материалом.²⁵

С. Б. Веселовский исходил из стремления правительства и его агентов — писцов положить на тягловцев максимально сильное тягло. А по мере того, как подати и повинности возрастали, писцам приходилось уменьшать оклады, «т. е. класть в живущее все меньшую долю действительной запашки тяглых хозяйств».²⁶ По словам Л. В. Милова, С. Б. Веселовский предполагал, что рост налогообложения приводил к каким-то компенсационным акциям. В ответ на рост налогов писцы уменьшали долю оклада. Л. В. Миллов считает, что при таком толковании механизма обложения оказываются непонятными причины, приводившие его в действие. «При увеличении роста налогообложения на соху общее количество сох сокращается, в известной мере нейтрализуя этот же рост. В таком самообмане приказных органов фиска не было никакой необходимости».²⁷

Но как только мы вспоминаем острую противоречивую ситуацию в стране классовой борьбы, а также противоречия внутри господствующего класса феодалов, действия приказных органов фиска становятся понятными. Крестьянское сопротивление податному гнету имело

²³ Милюков П. Н. Спорные вопросы. . . С. 134.

²⁴ Там же. С. 138.

²⁵ Готье Ю. В. Замосковский край. С. 159.

²⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. II. С. 464.

²⁷ Миллов Л. В. Методологические проблемы. . . С. 135—136.

различные формы.²⁸ Уже в последние десятилетия XVI в. широкий размах приобрело бегство крестьян. Тогда же мы наблюдаем процесс перехода части крестьян в не столь интенсивно облагаемый разряд бобылей. Отчетливо прослеживается в последние десятилетия XVI в. и стремление крестьян сократить размеры своей тяглой запашки, заменяя ее по возможности оброчными угодьями и «лешей» пашней. В 1600—1620-е гг. все эти формы борьбы с податным прессом не только сохраняются, но и усиливаются. Иногда землевладельцы сами старались сократить оклад государственного тягла своих крестьян, добываясь их официального перевода в бобыли и сокращения размеров записанных в писцовые книги тяглых наделов. Государевы писцы должны были «искати во всем государю прибыли вправду, как бы государе казне было прибыльнее». Это требование постоянно звучит в наказах писцам и в других официальных документах. Вместе с тем правительство вынуждено было так окладывать посадских людей и крестьян, чтобы им «вперед государевы подати платить было возможно». Это требование далеко не всегда выполнялось. Но считаться с платежеспособностью тяглых людей, с их борьбой против непомерных тягот обложения и прежде всего с их угрозой разбредиться и «деревеншек своих отстать»²⁹ правительству было необходимо. Без учета классовой борьбы крестьян, а также внутриклассовых противоречий феодалов законодательство о живущих четвертях и живущих вытях понять невозможно.

Разыскания С. Б. Веселовского дали возможность установить хронологию распространения живущей четверти по многим районам страны. В 1620 г. она была введена в 8 замосковских уездах (Вологда, Кинешма, Кострома, Пошехонье, Романов, Ростов, Шуя, Ярославль). На землях служилых людей тут велено было класть в живущую четь по 4 крестьянских и 3 бобыльских двора, а на монастырских землях — по 3 крестьянских и 3 бобыльских двора. В указе 1623 г. упомянуты 32 уезда, в которых применялась живущая четь; правительство разделило их на четыре разряда, причем в уездах первого разряда на служилых землях в живущую четверть попадало по 2 крестьянских и 2 бобыльских двора, а в районе наиболее льготного обложения, т. е. в уездах четвертого разряда, — по 4 крестьянских и 2 бобыльских двора.³⁰ Согласно указу 1630 г., живущая четь применялась уже в 69 уездах, а число разрядов возросло до восьми. Оклад восьмого разряда был в пять с лишним раз легче оклада первого разряда. Постепенно правительство вынуждено было переходить к все более льготным нормам оклада живущей четью. Так, в Рязани по указу

²⁸ Этому сюжету посвящена статья В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева: Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI—XVII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 145 и др.

²⁹ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра п прямого обложения в Московском государстве. М., 1917. Т. II, вып. 1. С. 85; Акты писцового дела (1644—1661 гг.). М., 1977. С. 15. — Подобные формулировки постоянно повторялись.

³⁰ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. II. С. 481—555, 660.

1623 г. велено было класть на служилых землях по 2 крестьянских и 2 бобыльских двора, а в 1628—1629 гг. писцы клали по 6 крестьянских и 6 бобыльских дворов. С. Б. Веселовский писал, что «в окончательном виде» для Рязани была введена еще более льготная норма: 8 крестьянских и 4 бобыльских двора.³¹

Ту же картину мы наблюдаем в других уездах. В результате к 1631 г. были вовсе ликвидированы первые шесть разрядов и остались только седьмой (на землях служилых людей 8 крестьянских и 4 бобыльских двора на четь) и восьмой (12 крестьянских и 8 бобыльских дворов).³² Это постепенное, явно вынужденное увеличение числа тяглых дворов на живущую четь, или, что то же самое, уменьшение податного оклада крестьянских дворов, является первой особенностью законодательства о живущей чети.

Второй его особенностью, отмеченной уже первыми исследователями живущей чети, было отсутствие общих, относящихся ко всей стране указов. Указы о нормах живущей чети адресовались то в один, то в несколько уездов, когда там проводилось сошное письмо и становилось ясно, что старую систему обложения сохранить невозможно.

Третьей особенностью являлись неоднократные случаи запоздания указов: писцы получали их, когда описание было в полном ходу или даже близко к своему завершению. Так, 9 августа 1627 г. царю Михаилу Федоровичу и его отцу из Поместного приказа было доложено, что в 1626—1627 гг. производилась перепись в Шелонской и Бежецкой пятинах, «а пашня паханая. . . в живущее до государева указа не положена».³³ Подобные факты имелись и в других районах. Они подтверждают положение о вынужденном характере обложения крестьян и о нежелании правительства вводить льготную систему обложения. Отсутствие общих для страны и даже устойчивых в рамках одного уезда норм живущей четверти, а то и отсутствие всяких указаний в начале письма привело к тому, что писцы и сами сплошь да рядом допускали разнობой. Л. В. Милов обнаружил в писцовой книге Арзамасского уезда 1625 г. живущие чети, равные 1 крестьянскому двору, 1 крестьянскому и 2 бобыльским дворам, 2 крестьянским и 1 бобыльскому двору, 2 крестьянским и 2 бобыльским дворам, 4 крестьянским дворам, 8 крестьянским дворам и т. д.³⁴ Такие же, хотя и не столь разительные, отклонения от нормы встречаются и в книгах Белозерского, Псковского уездов, Шелонской и Бежецкой пятин.

Для анализа живущей четверти в сошном письме 1620-х и следующих годов существенное значение имеют рязанские писцовые книги, поскольку Рязань в этом отношении служила образцом для ряда южных уездов. Судя по докладу государю от 1630 г., «против Рязани», т. е. в таких же размерах как в Рязани, живущую четверть

³¹ Там же. С. 661.

³² Там же. С. 489—490.

³³ Акты писцового дела. Т. II. С. 23.

³⁴ *Милов Л. В.* Методологические проблемы. . . С. 128. — В 1631 г. в Арзамасском уезде на четь положено было писать по 2 крестьянских и 2 бобыльских двора.

установили в Калуге, Мценске, Карачеве, Брянске, Путивле и Рыльске и некоторых других уездах.³⁵ Поскольку по Рязанскому уезду мы располагаем книгами от 1616 и от 1628—1629 гг., мы можем увидеть и то, как изменялся оклад в результате введения живущей чети.

В книге 1616 г. перечислены поселения, дворы помещиков и вотчинников, людские дворы и дворы крестьян и бобылей. В ней указывается также, сколько по владению и по стану числилось четей пашни паханой, пашни наезжей, перелога, лесных порослей и дикого поля. К сожалению, крестьянская и бобыльская пашня исчисляется вместе с господской и служней. Лишь в исключительных случаях мы встречаем в книге такие записи: в деревенском жеребье (часть деревни) И. С. Левашева оставались один жилой крестьянский и один жилой бобыльский дворы, за которыми числилось всего 1.5 четверти пашни паханой, а кроме того, 15 четвертей пашни наезжей и 18.5 четверти перелога.³⁶ Конечно, по отдельным примерам нельзя делать выводы о размерах крестьянской запашки. Но о них есть возможность судить по другим, в частности по обобщенным, хотя и не столь определенным, показаниям источника.

В расположенной в Моржевском стане вотчине С. Я. Беклемишева, в двух жеребьях д. Летуново, стояли дворы вотчинника и его приказчика, 2 людских двора, 4 крестьянских и 2 бобыльских двора. За ними за всеми было записано 5 четей доброй пашни паханой, да «наезжие пашни пустых дворов 15 чети», да перелогом 30 чети, да лесом поросло 100 чети.³⁷ В д. Дудине князя А. Ф. Гагарина стояли двор приказчика и 3 крестьянских двора. Здесь числились 3 четверти пашни паханой.³⁸ Размеры запашки указаны на все господские, людские и крестьянско-бобыльские дворы. Даже если на господский двор пахали столько же, сколько пахал крестьянский, на долю каждого приходилось менее одной четверти в поле. А в с. Пруды Моржевского стана за князем И. Б. Черкасским в поместье было записано 9 крестьянских дворов. Здесь же числились 5 казачьих и 5 стрельческих дворов и 87 мест дворовых. «Пашни паханые 2 чети, да наезжие пашни — 30 чети, да перелогом 500 чети, да дикого поля 373 чети».³⁹ В живущем, как видим, на 1 четь приходилось по 4.5 крестьянских двора и по 5 дворов служилых людей.

Всего в Моржевском стане за 123 помещиками числилось по книге 1616 г. 185 господских, людских, крестьянских и бобыльских живущих дворов и 328 пустых дворов и мест дворовых, а «пашни паханые, и наезжие, и перелогом, и дикого поля 11 844 $\frac{1}{2}$ четверти».⁴⁰ Живущая же паханая пашня составляла всего 87 четвертей, или 0.7 % этого массива.

³⁵ Акты писцового дела. Т. II. С. 156—160.

³⁶ Временник МОИДР. М., 1852. Кн. 13. С. 5.

³⁷ Там же. С. 27.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 4.

⁴⁰ Там же. С. 26.

На Рязань в 1616 г. не распространялись указы 1580-х гг. о временном обелении господской пашни. Во всяком случае в сошное письмо была положена живущая пашня как помещичьих, так и крестьянских дворов. И поскольку всех этих дворов было 194, за каждым из них в среднем числилось меньше чем по $\frac{1}{2}$ четверти пашни. Нужно полагать, что на помещичий двор приходилась большая запашка, чем на крестьянский. Но если даже это было не так, крестьянский тяглый надел был ничтожен по размерам.

Если введение живущей чети из 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов и уменьшило оклад, падавший на крестьянский двор, то лишь за счет включения в живущую четь бобыльских дворов. Для помещиков льгота была несомненной, поскольку барская пашня в живущие чети не клалась. Не приходится сомневаться в том, что введение живущей четверти в Рязани до 6 крестьянских и 6 бобыльских и даже до 8 крестьянских и 4 бобыльских дворов было следствием упорной классовой борьбы в ее повседневной форме, что находило выражение в требованиях облегчения податного гнета.

В изменении ситуации в Рязанском уезде между 1616 и 1628 гг. решающее значение имела постепенная ликвидация интервенции и гражданской войны. Но и уступки правительства, заключавшиеся во введении более льготных норм живущей четверти, очевидно, сыграли тут свою роль. На примере Моржевского стана можно заметить масштабы изменений. Число крестьянских живущих дворов увеличилось более чем в 2, а бобыльских в 4.8 раза. Еще значительнее (в 16.5 раза) возросли размеры пашни паханой при одновременном увеличении (в 2.8 раза) размеров пашни наезжей. Площадь перелога и лесных порослей все еще во много раз превышала площадь обрабатываемых земель. Но достигнутые в Рязанской земле успехи в конце 1620-х гг. были весьма ощутимы.

Средняя запашка на двор (считая пашню паханую и пашню наезжую господских, людских, крестьянских и бобыльских дворов), составлявшая в 1616 г. всего 2.7 четверти, к 1628—1629 гг. увеличилась до 6.2 четверти в поле.⁴¹ А то, что сошный оклад на поместных землях при этом сократился в 3.5 раза, а господская запашка была обелена, должно быть признано одной из причин такого поворота к лучшему.

При составлении Рязанской книги 1616 г. еще не было дворовой живущей четверти и сошный оклад соответствовал пространственным четвертям пашни паханой: каждая четверть была равна приблизительно 0.5 десятины в одном поле, а каждая соха на поместных землях составляла 800 четвертей доброй земли. В Моржевском стане Рязанского уезда за крестьянскими, помещичьими и людскими дворами числилось 87 четвертей живущей пашни, что составляло 0.11 восьмисотчетвертной сохи.

Другое наблюдалось в 1628—1629 гг. И здесь сошное письмо в живущем исчислялось из нормы: 1 соха в поместьях равняется

⁴¹ В Рязанской земле было положено рядовым стрельцам по 4 чети человеку, десятникам — по 5, а пятидесятнику — по 6 четей в поле (Временник МОИДР. М., 1852. Кн. 13. С. 2).

800 четвертям доброй земли, но каждая из этих 800 четвертей уже выступает не как пространственная мера, а как дворовая четверть и равняется 6 крестьянским и 6 бобыльским дворам. Высчитанный по этой норме сошный оклад по поместьям Моржевского стана как раз и дает тот итог, который приведен в писцовой книге («полполполчети сохи и осмина с полутора четвериком без полполполчетверика пашни», или 0.031 сохи). Данные по другим станам и по отдельным владениям свидетельствуют об этих размерах дворовой четверти, хотя небольшие ошибки встречаются.⁴²

Запашка господских дворов в живущие дворовые чети, а следовательно, и в живущее сошное письмо не входила. Кроме живущего сошного письма в книге приводятся данные о сохах «впусте». Писцы сами отмечают, что в число этих сох они включают не только действительно пустые запереложенные и заросшие лесной порослью земли. Они считают «впусте сошное письмо и с наезжею пашнею». Сюда же попадает пустая земля, сданная на оброк. Мало того, итоги по Моржевскому стану говорят о том, что в пустое сошное письмо попали и реальные четверти живущей пашни паханой (19 пустым сохам как раз соответствует общее количество пустых и живущих четвертей пашни паханой). Хотя тут фигурировала как заброшенная, так и обрабатываемая пашня, они числятся пустыми, так как подати и повинности раскладываются не на них, а на дворовые живущие четверти.

Трактовка четверти в писцовой книге осложняется из-за того, что кроме живущей дворовой четверти, являвшейся частицей живущей сохи, в книге фигурирует и исчисляемая тоже в четвертях «пашня паханая», причем здесь использовались не дворовые, а пространственные четверти пашни. В Моржевском стане насчитывалось 1435 таких четвертей пашни паханой, тогда как положенных в живущие сохи дворовых четвертей было менее 30.

Наличие дворовых живущих четей наряду с пространственными живущими четами крестьян характерно не только для Рязанской книги. То же наблюдается и в писцовой книге 1629—1630 гг. по Переславль-Залесскому уезду: за князем А. А. Голицыным «в сельце двор вотчинников, да крестьянских 5 дворов, бобыльских 4 двора. Пашни паханые вотчинниковы средние земли 15 чети, да крестьянские пашни паханые 18 чети». А всего «пашни паханые и перелогом и лесом поросло средние земли 120 чети в поле. А сошного письма в живущем и впусте полчети сохи и 5 четей. А платить ему з живущего с осмины с четвериком и с полполчетверика».⁴³

Как видим, за одними и теми же 5 крестьянскими (п 4 бобыльскими) дворами числилось 18 четвертей пашни паханой и 0.7 четверти.

⁴² Так, например, в поместье князя И. Б. Черкасского было 37 крестьянских и 48 бобыльских дворов. Исходя из нормы 6 крестьянских и 6 бобыльских дворов на четь, на 36 крестьянских и 36 бобыльских дворов приходилось 6 четвертей живущей пашни, а на остающиеся 12 бобыльских дворов — 1 четверть. В книге записано: «а платить ему з живущего с 7 четей пашни» (Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. Т. 1, вып. 3. С. 762).

⁴³ ЦГАДА, ф. 1209, № 7647, л. 939—942.

Как и в Рязанской писцовой книге, в Переяславле-Залесском реальные крестьянские четверти выступают в формуле «пашня паханая», а дворовая четверть — в формуле «а платить ему з живущего». Как и в Рязанской книге, здесь в расчет сошного письма, с которого не платились подати, входили как четверти перелога и лесных порослей, так и реальные четверти господской и крестьянской пашни. Но переяславские писцы именовали обобщенные данные о пахотной земле «сошным письмом в живущем и впусе», тогда как рязанские пользовались термином «сохи впусе», хотя тоже имели в виду как живущую, так и пустую пашню.

Писцовая книга Нагорной половины Костромского уезда составлялась в 1627—1628 гг., а в 1631 г. Поместный приказ велел класть в Костроме «против Резани, и Коломны, и Кашина, и Переяславля-Залеского по осми дворов крестьянских и по четыре бобыльских» в живущую четверть. И хотя это распоряжение пришло уже после составления писцовой книги, в ее составе мы находим и текст этого повеления, и его реализацию. Но, подобно Рязанской и Переяславской книгам, Костромская писцовая книга 1627—1628 гг. содержит сведения и о дворовых живущих четвертях, и о реальных четвертях живущей крестьянской пашни.⁴⁴

Та система учета пашни, которую мы наблюдали в Рязанском, Переяславль-Залесском и Костромском уездах, прослеживается и при рассмотрении изученной Н. Н. Масленниковой Псковской писцовой книги 1620-х гг. Ивана Вельяминова. И здесь при описании помещичьих и монастырских владений фиксировались размеры тяглой крестьянской пашни паханой в пространственных четвертях земли. Соответствующие показатели приводились наряду с данными о четвертях помещичьей, монастырской, пустой (зброшенной в перелог и поросшей лесом) пашни. В итоге все четверти пахотной земли складываются в сохи по формуле: «а сошного письма в живущем и впусе соха без трети (или иное сошное число)». А затем писец добавлял: «по государеву указу платить им в сошное письмо с живущего с четверти и с полполчетверика (или с иного количества. — А. Ш.) пашни». Платить надо было с дворовой живущей чети, которая не совпадает с крестьянской пашней паханой, обозначенной в тех же описаниях помещичьих и монастырских владений.

В писцовой книге Белозерского уезда 1626—1627 гг., изученной З. В. Дмитриевой, данные о площадях, занятых под крестьянской пашней, приводятся по каждой деревне. Например, «д. Кузнецово на речке на Сиземке, а в ней крестьян: в. Тренка Васильев, в. Первущка Максимов, в. Ваташка Ларин; да бобыльских дворов: в. Тимошко Наумов, в. Иестерко Ермолов. Пашни паханые худе земли 12 чети да перелогом и лесом поросло 8 чети в поле, а в дву по тому же».⁴⁵ А при подведении итогов по волости после указания

⁴⁴ Подробнее о книгах Переяславль-Залесского и Костромского уездов см.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России. . . С. 174—178, 201—205. — См. там же характеристику ряда других писцовых книг 20—40-х гг. XVII в. (с. 156—201).

⁴⁵ ОР ГПБ, С.-Петербург. духовная академия, А 1/16, л. 442 об.

на число крестьянских и бобыльских дворов писец сообщал: «пашни паханые монастырские худые земли 8 чети да крестьянские пашни паханые худые земли 265 чети. . .».⁴⁶ В итогах по волости имеются и такие записи: «а по государеву указу платить з живущего с села Талицы с деревнями (со всей волости, в которую входила и дер. Кузнецово. — А. III.) в сошное письмо с 8 чети и с 3 четвериков без трети четверика пашни».⁴⁷ Не вызывает никаких сомнений, что 265 четей — это пространственные четверти крестьянской пашни в волости, а 8 четвертей и 2 ²/₃ четверика пашни — это дворовые живущие четверти.

Но рассмотренная только что двойственная система учета четей живущей пашни паханой и четей живущих дворовых характерна не для всех писцовых книг 1620-х гг. Иная система была рассмотрена Л. В. Миловым на примере писцовой книги 1621—1623 гг. по Арзамасскому уезду и по некоторым другим источникам. Арзамасские писцы учитывали в пространственных четвертях земельной площади «пашни паханые помещиковы, да наезжие пашни, и перелог, дубровы пашенные, пашни, поросшие лесом, и дикое поле». Что же касается до крестьянских четей, то они учитывались только по числу живущих дворов. Из описания владений помещиков и вотчинников и из итогов по станам явствует, что крестьянские пашни измерялись только дворовыми живущими четвертями, никак не отражавшими земельную площадь крестьянского пахотного надела и определявшимися только числом крестьянских и бобыльских дворов. Характерен в этом отношении формуляр писцовой книги: «пашни паханые помещиковы 50 чети да крестьянские пашни четь с осминою».⁴⁸ В отличие от ранее рассмотренных писцовых книг Арзамасская книга не употребляет в отношении крестьян термин «пашня паханая».

Это не мешало писцам, подводящим итог пашенным землям, складывать помещичьи наезжие земли, а также перелог и лесные поросли, которые исчислялись четвертями площади, и крестьянские живущие четверти, исчисляемые по количеству дворов.⁴⁹ Л. В. Милов прав, говоря, что писцы складывали, таким образом, килограммы и метры.⁵⁰ И хотя такое складывание совершенно различных по своему характеру четей было элементарно неправильным, полученную сумму клали в основу сошного письма впусе. Однако этот ошибочный прием не отражался на окладе «сошного письма в жи-

⁴⁶ Там же, л. 447 об.

⁴⁷ Там же, л. 448.

⁴⁸ Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—1623). Ч. 1. Действия Нижегородской Ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1915. С. 13.

⁴⁹ Подводя итоги по Моржевскому стану, писцы записали: «Пашни паханые помещиковы 3047 чети, да наезжие пашни 75 чети, да крестьянские пашни 127 чети, да перелог и дикого поля, и дубровы пашенные и лесом поросло 4163 чети... А всего пашни, и перелог, и дубравы, и лесом поросло 7414 чети...» (Писцовая книга Арзамасского уезда... С. 273).

⁵⁰ Милов Л. В. Методологические проблемы... С. 141; см. также: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития Росии. . . С. 132 и др.

вущем», которое определялось на основании только одного показателя — числа живущих дворовых четей.

К сожалению, к числу писцовых книг 1620-х гг., не отражающих реальную пашню крестьянских дворов, относится и ряд новгородских писцовых книг, представляющих особый интерес для авторского коллектива «Аграрной истории Северо-Запада России».

В 1627 г. велено было класть в Шелонской и Бежецкой пятинах на живущую четь по 8 крестьянских и по 4 бобыльских двора. Писцы, составившие дозорную книгу Шелонской пятины 1628—1629 гг.,⁵¹ внесли в нее только сведения о дворовых четьях. Когда в Поместном приказе нужно было определить реальную пашню в Шелонской пятине, пришлось обратиться к «старым дозорным и отдельным книгам», отражавшим положение в 1580-х гг. и отчасти в 1620 г.⁵²

Согласно писцовой книге Белозерской половины Бежецкой пятины 1626—1627 гг.,⁵³ «пашни паханые» помещиков, вотчинников и монастырей с наезжей пашней занимали 223.75 чети, а крестьянские пашни — 33.75 чети. Как и в Шелонской пятине, в книгу внесены только данные о живущих дворовых четьях, причем эти неполные 34 четверти живой дворовой пашни крестьян складывались писцом с четвертями господской земельной площади и пустой пахотной земли.⁵⁴ Авторы «Тенденции аграрного развития России. . .» именуют писцовые книги 1620-х гг., содержащие сведения о пространственных четьях крестьянской пашни, книгами «оптимального варианта». Такое определение не вызывает возражений, но, может быть, лучше их назвать книгами рязанско-псковского типа, чтобы оставаться ближе к определениям изучаемого времени. Для второго типа книг характерно отсутствие сведений о пространственных четьях. В них наличествуют только данные о численности дворов. Назовем условно второй тип арзамасско-шелонским.

Преимущество книг рязанско-псковского типа заключается в том, что при наличии сопоставимого по территории материала в писцовых книгах 1580-х гг. по ним можно выяснить, как эволюционировала тяглая крестьянская запашка в последние десятилетия XVI и первые десятилетия XVII в. Полного представления о реальной запашке крестьян мы не можем составить и по этим книгам, так как они обычно не учитывали оброчные уголья и «лешие» (укрытые от писца) пашни. Так как в 1580-х гг. эти земли тоже не учитывались, то может быть прослежена эволюция крестьянского тяглого надела к 1620-м гг.

Статистическая обработка данных о господских и наезжих пашнях и о пустых и порожжих землях может проводиться по книгам обоих типов. Однако при этом следует иметь в виду, что репрезентативность разных писцовых книг первой трети XVII в. далеко не

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 307.

⁵² Акты писцового дела. Т. II. С. 23—24.

⁵³ ЦГАДА, ф. 1209, № 306.

⁵⁴ Описание дворцовых земель Бежецкой пятины в отличие от описания поместных и вотчинных земель содержит данные о запашке крестьян. Они определены в вытях.

одинакова. Из табл. 1 видно, что Рязанская книга 1616 г. учла в Моржевском стане на 7000 четей меньше пустых и порозжих земель, чем книга 1628—1629 гг. К 1628 г. резко возросли и площади пашни паханой и наезжей, а ведь они увеличились за счет пустых земель. Вывод отсюда можно сделать только один: пустые и порозжие земли в 1616 г. были учтены гораздо хуже, чем в 1628—1629 гг. Иную картину мы наблюдаем при сопоставлении писцовых книг 1613 и 1626—1627 гг. по Белозерскому уезду. В обеих книгах общая площадь живущих и пустых земель в деревнях равна. Полное совпадение с очевидностью доказывает, что при составлении писцовой книги 1626—1627 гг. пустые земли не перемеривались.

При работе с писцовыми книгами очень важно обращать внимание на сопутствовавшее их составлению делопроизводство, материалы которого отчасти опубликованы С. Б. Веселовским, а отчасти хранятся в фондах приказов. Нам известно, что даже при описании пустых и порозжих земель писцы требовали предъявления документов, удостоверявших право на земельное владение, обращались к опросу сведущих людей и широко пользовались данными предшествующих переписей. И мы знаем о некоторых писцах (например, об Иване Вельяминове в Пскове), что они в течение нескольких лет собирали материалы, необходимые для письма.

Можно полагать, что писцовые книги 1620-х гг. преуменьшают размеры пустоты, так как в ряде случаев не оказывалось ни владельцев, ни сведущих людей, способных дать данные о заброшенных землях. Таким образом, чрезвычайно значительные цифры пустоты никак нельзя считать завышенными.

Для источниковедческого анализа писцовых книг особенно большое значение имеет их сравнение с одновременно составленными с ними вотчинными переписями. Так, писцовую книгу 1626—1627 гг. по Белозерскому уезду можно сопоставить с книгой Кирилло-Белозерского монастыря за 1624 г. Приведем такое сопоставление по волости Рукина Слободка (табл. 2).

Сокращение между 1624 и 1626 гг. числа тяглых дворов в 27 селениях Рукиной Слободки⁵⁵ могло быть вызвано какими-то значительными передвижениями, однако не исключено, что монастырь укрывал от обложения часть крестьянских дворов. Впрочем, были обстоятельства, которые говорят против предположения о широких масштабах укрывательства дворов от государевых писцов.

Писцовые книги являлись основанием для возвращения беглых, и землевладельцы, особенно не крупные, были заинтересованы в том, чтобы крестьян записывали за ними.

Вместе с тем табл. 2 показывает, что землевладельцы стремились выдать крестьян за бобылей, которых, согласно указам о живущей чети, клали в половинный оклад. В Рукиной Слободке вотчинник

⁵⁵ Из 107 дворов, числившихся в 1624 г., лишь 78 дворов оставалось в 1626 г. в руках тех же дворовладельцев или их детей. 3 крестьянских и 8 бобыльских дворовладельцев появились вновь, а 20 не значатся в книге 1626—1627 гг.

Т а б л и ц а 2

Рукина Слободка по вотчинной переписи 1624 г.
и по писцовой книге 1626—1627 гг.^а

	1624 г.	1626—1627 гг.
Деревень	27	27
Дворов:		
крестьянских	107	42
бобыльских	—	45
Итого дворов	107	87
«Людей»:		
крестьян	227	42
бобылей	—	47
Итого «людей»	227	89
«Людей» на двор:		
крестьян	2.1	1.0
бобылей	—	1.0
крестьян и бобылей	2.1	1.0

^а Таблица составлена З. В. Дмитриевой.

вообще не числил сельских жителей бобылями. Поэтому они отсутствуют в книге 1624 г., а в государственной переписи 1626—1627 гг. бобыльских дворов насчитывалось больше, чем крестьянских. Можно полагать, что это явление было характерно не только для Белозерского уезда и вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. Вотчинники признавали бобылями значительно меньше сельских жителей, чем числилось их в государственных писцовых книгах. И еще одно наблюдение должно быть принято во внимание. Число людей на двор по писцовым книгам составляет лишь одного мужчину. Ясно, что писцы учитывали только глав семейств, тогда как вотчинник вписывал в свою опись всех (может быть, всех взрослых) мужчин. Мы не можем утверждать, что писцовые книги Белозерского уезда характерны для всего письма 1620-х гг., но случаи учета только глав семейств несомненно наблюдались в 1620-х гг., подобно тому как это было распространено в XVI в.

Учитывая неполноту сведений государственных писцовых книг о крестьянской запашке и полное их отсутствие в книгах арзамасско-шелонского типа, а также то, что сведения о числе живущих дворов были, видимо, в большинстве случаев относительно точны, можно сопоставить численность живущих дворов земледельческого населения с площадью пустой и порозжей земель. Например, в Белозерской половине Бежецкой пятины в 1620-х гг. насчитывалось 228 помещичьих и вотчинниковых, 47 людских, 251 крестьянский и 358 бобыльских дворов и еще 21 двор непашенных бобылей. А перелог

и поросшая лесом пашня составляли 45 970 четей. Кроме того, огромные массивы пахотных земель числились пустыми и порозжими. Ясно, что все живущие дворы земледельцев могли использовать под пашню далеко не всю заброшенную землю Белозерской половины.⁵⁶

Если показания писцовых книг 1620-х гг. о живущих дворовых четах не позволяют судить о площади крестьянских пашен, то для изучения обложения крестьян государственными повинностями они чрезвычайно важны, так как именно количеством живущих четей определялись размеры оклада поместья или вотчины, погоста или стана, уезда или пятины.

В писцовой книге Белозерской половины Бежецкой пятины 1626—1627 гг. говорится: «а платить з живущего в сошное письмо крестьянские и бобыльские с 34 четей без полуосмины пашни».⁵⁷ В итоге описания каждого поместья и вотчины в Рязанском уезде писец заключал: «а платить ему (помещику, вотчиннику.— А. Ш.) з живущего с чети» или с доли живущей чети, определяемой по числу крестьянских и бобыльских дворов.⁵⁸ Такие и подобные им формулировки отражают установленную на поместных и вотчинных землях в 1620-е гг. систему сошного обложения. Наличные дворы крестьян и бобылей складывали в живущие чети, которые в свою очередь складывали в сохи. При этом исходили из норм, установленных еще в XVI в. для земель разного качества и разных категорий владений.

Приведу примеры расчетов, которые необходимо произвести, чтобы определить размеры и тягость повинностей, падавших на плечи сельского податного населения. В начале 1620-х гг. были введены большие ямские деньги. В 1626—1628 гг. их оклад равнялся 800 руб. с сохи.⁵⁹ Согласно Рязанской писцовой книге 1628—1629 гг., на доброй земле, находившейся во владении помещиков, на соху приходилось 800 четвертей пашни. Платили налог только с живущих четвертей. И как мы уже знаем, в Рязани в это время живущая четверть равнялась 6 крестьянским и 6 бобыльским дворам. Поскольку крестьянский двор приравнивался к 2 бобыльским, оклад первого оказывался равным 11 коп., а оклад второго — 5.5 коп.

Если в уезде или в отдельном владении земли были разного качества, расчет усложняется, так как сошное письмо предусматривало одабривание земель. Поместная соха состояла из 1000 четвертей средней и 1200 четвертей худой земли. Это значит, что 800 руб. ямской повинности падали не на 800, а на 1000 или на 1200 четвертей. Там, где живущая четверть состояла из 6 крестьянских и 6 бобыль-

⁵⁶ Может возникнуть вопрос: зачем сопоставлять живущие дворы с пустой пашней, когда их можно сопоставить с пустыми дворами и местами дворовыми? Дело в том, что в результате долгого, длившегося с 1570-х гг. кризиса в некоторых районах к 1620-м гг. исчезли даже дворовые места. А в пустошах, «что были деревни», вовсе не указывается число дворовых мест. Поэтому сравнение числа живущих дворов с числом пустых дворов и дворовых мест не дает представления о масштабах и удельном весе пустоты.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1209, № 306, л. 120—123.

⁵⁸ Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. Т. 1, вып. 3. С. 820.

⁵⁹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. С. 160.

ских дворов, оклад ямских денег сидевших на худой земле крестьянского двора равнялся не 11, а 6.5 коп.

Если живущие чети были распространены на земли помещиков и светских и церковных вотчинников, то живущие выты являлись окладными единицами на дворцовых и черных землях. При этом живущие выты были введены далеко не на всех землях этих категорий.

Вопрос о живущей выти был впервые рассмотрен С. Б. Веселовским.⁶⁰ Он полагал, что вытное письмо вообще нельзя противопоставлять сошному письму. «В вытном письме, — писал Веселовский, — подобно сошному, тоже применялся изредка дворковый оклад; приказы и писцы определяли оклады живущих вытей по числу дворов».⁶¹ Живущая четь сошного письма являлась, по Веселовскому, тем же, что живущая выть.

В платежнице черных погостов двух заонежских станов государев указ о живущей выти изложен в таких словах: положено «на выть по 15 дворов крестьянских, а в выть добрые земли по 12 чети, а средние по 14 чети, а худые по 16 чети, в сошное письмо добрые земли в соху по 800 чети, а средние земли по 1000 чети, а худые по 1200 чети».⁶² Смещение подворного и поземельного принципов определения живущей выти С. Б. Веселовский назвал приказной шарадой, для понимания которой недостаточно рассуждения, подчиняющегося законам логики. Дело, по Веселовскому, разъясняется, если исходить из тезиса об условном характере живущей выти и о произволе писца, который мог руководствоваться подворным либо поземельным принципами обложения, либо их сочетанием, либо своими собственными соображениями о достатке крестьянских дворов. В действительности государев указ не являлся шарадой. В этом мы можем убедиться, присмотревшись к тому, как указ применялся на деле в Заонежских погостах:

Писцовая книга 1620-х гг. составлялась здесь в полном соответствии с требованием «класть по 15 дворов лучших, средних и молотчих» крестьян в живущую выть при норме 12—16 четвертей земли на ту же выть.

Чтобы понять, как это делалось, обратимся к описанию Кижского погоста.⁶³ Выявленные в нем 792 крестьянских двора были разделены на живущие выты, в каждую из которых и было положено по 15 дворов. В результате получились «53 выти бес полчети и полчетверика пашни» или 52.87 выти. В этих расчетах писцы допустили незначительную неточность: в действительности должно было бы получиться 52.8 выти (ошибка в 0.07 доли идет за счет несовершенства счета писца).

Одновременно писцы учитывали пространственные четверти живущей крестьянской пашни. Можно было бы подумать, что этот

⁶⁰ Там же. Т. II. С. 474—480.

⁶¹ Там же. С. 474.

⁶² Акты писцового дела. Т. II. С. 221.

⁶³ ЦГАДА, ф. 1209, № 308, л. 500—513.

учет не влиял на обложение крестьян и производился лишь по традиции или в расчете на возможный возврат к поземельному обложению. Однако в действительности это совсем не так: на каждую выть полагалось, как это было до введения живущей дворовой выти, по 14 десятин средней земли. Таким образом, на 52.8 выти крестьяне должны были иметь 739 четвертей пашни. На самом деле в распоряжении крестьян было 1188.17 чети тяглой и наезжей пашни. Остающихся «за указным числом» оказалось 449 (по подсчетам писца — 448.55) четей. Их тоже положили в выти. И таких вытей стало в погосте 32 (считая по 14 четей средней земли на выть). Они были записаны «у живущих вытей» и оставались за крестьянами, причем за них нужно было ежегодно вносить подать в уменьшенных по сравнению с тяглыми вытями размерах. Если с каждой из 52.8 тяглой выти крестьяне обязаны были платить дань и за посопный хлеб по 12 руб., то за выть, которая оставалась «у живущих вытей за указным числом», надлежало платить деньгами 1 р. 40 к. («за выдельный хлеб»).

Помимо паханой пашни, записанной за вытями «в живущем» как тяглая пашня, и пашни «за указным числом», которая оставалась «за теми же живущими вытями», были еще пахотные угодья «впусте». Числившиеся как перелог и лесные поросли, они были положены в пустые выти, причем и здесь на выть клали по 14 четей средней земли. Эти земли в своей значительной части обрабатывались крестьянами из живущих поселений. Во всяком случае писцы отметили, что 3 деревни да 9 пустошей Кижского погоста были «припущены в пашню», одну деревню и 29 пустошей кижские крестьяне пахали наездом, а одна пустошь сдана на денежный оброк. Лишь одна деревня и 14 пустошей, 22 места дворовых и 2 двора стояли пустыми. Всего в Кижском погосте «впусте» было записано 834.5 выти перелога и лесных порослей, положенных в 59 пустых вытей. Как видим, указ о живущей выти в Заонежских погостах не является шарадой и не лишен логики. Но для его понимания необходимо учитывать, что это не простая модификация указов о живущей чети, что живущая выть обладает рядом своих существенных особенностей.

Во-первых, живущая выть Заонежских погостов в отличие от живущей чети не распространялась на бобыльские дворы. Она состояла только из крестьянских дворов, а бобыли облагались особым денежным оброком, собираемым с двора.

Во-вторых, живущая выть не являлась такой льготной окладной единицей, как живущая четь. Даже при наименее льготной живущей чети, состоявшей из 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов, подати, которые полагалось брать с сохи средней земли, распределялись между 1000 четей или, иначе говоря, между 2000 крестьянских и 2000 бобыльских дворов. А в Заонежских погостах соха средней земли состояла из 71.4 выти (1000 : 14 четей). В каждую выть включалось по 15 крестьянских дворов. Следовательно, подати, которые полагалось брать с сохи, должен был платить 1071 крестьянский двор.

В-третьих, даже в писцовых книгах рязанско-псковского типа учитывалась в пространственных четьях только тяглая крестьянская

земля. А в Заонежских погостах крестьянские пашины были разделены на три категории: 1) вытные тяглые земли, положенные по указной норме в 12 : 14 : 16 четвертей на каждую выть; 2) земли «у живущих вытей», которыми двory пользовались сверх указной нормы; 3) земли, числившиеся пустыми, но находившиеся в пользовании крестьян. Все три категории земель исчислялись в пространственных четьях и вытях. Таким образом, мы имеем здесь возможность гораздо полнее, чем по писцовым книгам, не учитывавшим эти разные категории земель, оценить размеры крестьянских пахотных угодий.

В-четвертых, писцовые книги, учитывавшие живущие выти, как и другие вытные книги, если они распространялись на дворцовые земли, содержали сведения о платежах «за посопный хлеб» и о других повинностях, собиравшихся взамен тех повинностей, которые крестьяне частных и корпоративных владельцев несли в пользу своих вотчинников и помещиков. Поскольку есть возможность высчитать и государственные повинности дворцовых крестьян разных районов, писцовые вытные книги дворцовых волостей представляют особое значение для историков.

Чрезвычайно существенно, что сведения о наделах и повинностях крестьян сохранились и в описаниях дворцовых земель, относящихся ко второй половине XVII в., т. е. ко времени, когда государственные описания земель помещиков и вотчинников не содержали уже никаких подобных сведений (имею в виду переписные книги 1640-х и 1670-х гг.).

К сожалению, до сих пор приведены в известность лишь отдельные писцовые книги типа Заонежской, причем они не во всем совпадают с ней. Так, в Сольвычегодском уезде в 1625 г. писцы стали класть двory в живущие выти («на выть двory по 6, по 8, по 10 и по 12»), очевидно, в зависимости от имущественного состояния и размеров семьи. «И нам, сиротам», жаловались сольвычегодцы в 1648 г., «было жить не в мочь», а при составлении писцовой книги 1644—1645 гг. в уезде стали класть черных крестьян по 5 двory на выть.⁶⁴ Это резко увеличило оклад. Он оказался в 3 раза выше пятнадцатидворового оклада заонежских крестьян. Сольвычегодцы были хуже обеспечены землей, чем заонежцы. У них редко оставалась земля за указом «у живущих вытей». Как правило, на выть даже недоставало положенных по норме 12 : 14 : 16 четвертей. Но принцип оклада и учета земли оставался таким же, как в Заонежских погостах. Таким образом, можно говорить о третьем типе писцовых книг, содержащих ценные сведения о наделах и повинностях дворцовых и части черных крестьян. Назовем условно этот тип заонежским.

Наша работа о живущей чети и живущей выти носит чисто источниковедческий характер. Ее задача заключается в выделении разных типов писцовых книг 1620-х гг. и в определении возможностей, которые они дают исследователям крестьянского землепользования,

⁶⁴ Акты писцового дела (1644—1661 гг.). С. 52—53.

крестьянских повинностей и некоторых других сторон социально-экономической жизни деревни XVII в. При этом представляется бесспорной необходимость учитывать не только существенные различия разных типов писцовых книг, но и особенности разных книг одного и того же типа. Следует считать, что степень полноты и репрезентативности выводимых на основании писцовых книг показателей зависит и от объекта описания. Обычно более точными являются данные об общей численности дворов, менее точными — данные о соотношении крестьянских и бобыльских дворов (число последних бывает в государственных переписях завышенным, а первых — заниженным). В книгах 1620-х гг. нет единства учета мужского населения в дворах: иногда учитываются только «люди» — главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.).

Количество дворов, положенных в живущую четь и в живущую выть, сильно различалось по уездам, по годам и даже в пределах одной и той же книги. Не приходится отрицать тут некоторый произвол писцов. Но все эти различия в размерах живущей чети и живущей выти легко вскрыть на основании самих писцовых книг и другой писцовой документации. Они не мешают сравнительно точному определению тяжести повинностей в расчете на соху, четь, выть и, наконец, на двор.

Наименее полным был учет пустых и порозжих земель, и хотя писцы стремились как можно лучше их учесть, полученные ими цифры дают лишь приблизительную картину запустения. Можно констатировать его ужасающие размеры и с привлечением данных о численности живущих дворов наметить тенденции к преодолению или, наоборот, усугублению пустоты. Но к произведенным по книгам подсчетам нужно подходить с большой осторожностью.⁶⁵

Особое внимание должно быть уделено вопросу о репрезентативности тех скудных данных по уездам, которые дают нам писцовые книги периода ужасающего запустения первой четверти XVII в. При статистической обработке этих данных существенную роль должно сыграть порайонное изучение описей.

Я. Г. СОЛОДКИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕЛЬСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Одним из самых заметных событий в летописеведении последнего времени стало открытие В. И. Корецким Вельского летописца XVII в. Этот памятник, известный в единственном списке (ГИМ, собр. Ува-

⁶⁵ Особенную осторожность следует проявить при сравнении пустоты в 1580-х и в 1620-х гг. в Новгородских пятинах и в ряде северных районов. В связи с переходом на десятичетвертную обжу выраженные в четвертях и обжах перелог и лесом поросшая пашня перестали отражать сколько-нибудь точно их реальные размеры (Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 13.).